
С. Г. ПИЛЕЦКИЙ

О МУДРОСТИ, ДУРМАН РАССЕИВАЮЩЕЙ

Давно подмечено: мудрость и демократия уживаются с трудом. Но при этом либеральная демократия в европейской культуре – не просто непререкаемый идол и кумир, это своего рода респектабельная, презентабельная, разрекламированная, «жрецами» и многочисленной гвардией охраняемая «зажиревшая» мифологема.

Надо сказать, что проблемы демократии издавна волновали и продолжают волновать умы человечества, в том числе российские, и в том числе нынешние. Регламент статьи не позволяет дать сколько-нибудь исчерпывающий их обзор, но на одну книгу хочу сослаться особо. Это книга И. А. Гобозова «Куда катится философия. От поиска истины к постмодернистскому трепу» (М., 2005). Выделяю ее по двум основаниям. Во-первых, потому что солидарен практически со всем там изложенным (что бывает весьма нечасто), начиная с оценки автором геополитических и социально-экономических реалий последнего времени и заканчивая его отношением к марксизму и постмодернизму. Я тоже крайне негативно воспринимаю наукоподобную «белиберду» и исхожу из древней, проверенной веками максимы: «Кто ясно мыслит, тот ясно излагает». Во-вторых, я вознамерился использовать ее в качестве своего рода полемического союзника, а уж недостатка в оппонентах, я думаю, не будет.

Для меня также стимулом к написанию статьи стали тревожные думы о настоящем и будущем России, перспективах ее политического, социально-экономического и духовного развития. Так что я вполне разделяю ту озабоченность и те весьма резкие эпитеты в адрес нашего современного бытия, которые И. А. Гобозов дает буквально в самом предисловии своей книги: «Всякая философия есть продукт своей эпохи. Наша эпоха – это эпоха глубокого экономического и духовного кризиса, охватившего, собственно говоря, все

области общественнознания, культуру, искусство, литературу, философию и т. д. Это эпоха деинтеллектуализации общества, эпоха шоу, стандартизации и унификации... Сегодня философия потеряла свой этимологический смысл. Из любви к мудрости она превратилась в любовь к пустому дискурсу обо всем и ни о чем. Она потеряла критерий научности и доказательности. Многие современные философы не утруждают себя серьезно рефлексировать, как это делали их предшественники, над бытием окружающей социальной и природной действительности. Они изгоняют Разум из философии»¹. Нет уж, рефлексировать мы с вами будем – это я обещаю, а вот Разум в философию – «репатриировать» и реабилитировать.

Пожалуй, начинать рассуждения о демократии и логично, и уместно с известного афоризма сэра Уинстона Черчилля, что, мол, демократия – плохая форма правления, но другие еще хуже. Признаюсь, что еще в юношеские годы у меня оформилось к нему устойчивое подозрительное отношение; интуитивно я воспринимал его не как шедевр английского юмора, а как насмешку. Каким-то «шестым чувством» я встраивал его в общий ряд расхожих штампов, среди которых «если такой умный, почему не богатый?» и «деньги не пахнут». Было ощущение, что тебе подмигивает «наперсточник».

Очень похоже, что с либеральной демократией все миф на мифе и мифом погоняет. Ну, во-первых, считается, что демократия, пусть хоть и не без изъянов, но все же при этом наиболее стабильная и эффективная форма политического устройства, способная успешно решать встающие перед ней задачи. Вроде бы действительно так, но, скажем, монархический государственный строй просуществовал не несколько столетий, а как минимум несколько тысячелетий и доказывал ничуть не меньшую стабильность и эффективность в разрешении возникающих проблем. Во-вторых, полагается, что демократия позволяет пробиваться к кормилу власти общественным «низам», по-иному этого лишенным, отвечает интересам подавляющего большинства народа, а посему социально более справедлива, а значит, и более нравственна. Вроде бы действительно так, но, по крайней мере, с не меньшей очевидностью мож-

¹ Гобозов, И. А. Куда катится философия. От поиска истины к постмодернистскому трепу. – М.: Издатель Савин С. А., 2005. – С. 5–6.

но было бы заключить и обратное: реальные шансы «человека с улицы» даже при наличии его активной гражданской позиции без надлежащих связей и надлежащей финансовой поддержки близки к нулю. Формально равные шансы *de jure* разбиваются вдреизг катастрофическим по стратификации *status quo de facto* (я бы сказал, что равнодушному и талантливому отпрыску в плане головокружительной карьеры просвещенная монархия даже сподручнее демократии. Достаточно вспомнить «птенцов Петровых» – будущую элиту реформируемой России). А когда происходит тот редкий случай, что рядовой человек «с подворотни» проникает с чьей-то помощью и чьим-то *protégé* в эшелоны власти, то он будет вынужден, хотя бы из элементарного чувства признательности и благодарности, отрабатывать авансы. Это, кстати, напрямую и о том, в интересах ли подавляющего большинства общества впоследствии будут приниматься решения. И, наконец, в-третьих, утверждается, что демократия соответствует самым сокровенным чаяниям, глубиннейшим пристрастиям и предпочтениям, коренящимся в самой нашей природе и вытекающим из верховенства трансцендентальной человеческой свободы. Вроде бы действительно так, но вас не настораживает тот факт, что демократию мы не пускаем, поскольку она доказала там свою ущербность и несостоятельность, ни в сфере супружества и семейных отношений, ни в сфере дошкольного воспитания, ни в сфере среднего, среднего специального и высшего образования, ни в сфере медицины, защиты Отечества и правопорядка, ни в сфере спорта, ни в сфере философии, науки и искусства, ни в сфере морали и религии, ни в сфере какого бы то ни было стоящего дела – от охоты на мамонта до нанотехнологий, – а исключительно и только в акваторию политики? Не странно ли это? И ссылаемся при всем при этом на природу человека. Не хитрим и мошенничаем ли тут, как тот «наперсточник»?

Прежде чем сделаем глубокий реверанс в адрес древнегреческой философии, заметим следующее: человечество больно демократией давно. Инфицировалось оно ею еще во времена античности, но, скоро переболев, потом очень надолго, почти на две тысячи лет, напрочь распрощалось с этой «блажью» – так сказать, стало устойчиво иммунно к этой заразе. Но болезнь не прошла даром: она привела просто к поразительному падению нравов, просто по-

разительному закату культурной и экономической жизни и в конце концов просто к поражению. Еще в древности было замечено, что демократия сама себя разлагает, сама себя подтачивает, что за наружной сытостью и вольготностью скрывается гнилое нутро, и чтобы этот общественный «мешок с трухой» рухнул, достаточно лишь незначительного внешнего толчка.

Но вот что любопытно: иногда даже и никакого внешнего воздействия не требуется – все происходит, так сказать, эндогенно, – государственный организм сам себя очищает, производя необходимую санацию. Разгульная жизнь, бесспорно, какое-то время бодрит, увлекает, засасывает, но если организм еще не вконец хворью и неестественным образом жизни изможден и обессилен, а разум не вконец развращен, то элементарный инстинкт самосохранения непременно подскажет, что пора с развязностью «завязывать». А для этого нужны Разум и Воля, или, в крайнем случае, Воля и Разум. Только надо выбрать: свои собственные или чужие.

Суть категорического неприятия философами античности демократии, суть, так сказать, их основных претензий к ней сводилась к следующему. Первое: основной порок и ущербность демократии в плане государственного строительства, по их глубокому убеждению, состоит в том, что она возводится на ложном фундаменте, что неминуемо в недолгой перспективе приведет к краху. И понимание этого как раз немудрено. Как известно, ткач должен ткать, плотник должен плотничать, врач должен лечить, а воин обеспечивать защиту. И каждый должен учиться своему делу «засучив рукава» и настоящим образом. Встречаются, конечно, экзemplяры, когда в одном лице «и швец, и жнец, и на дуде игрец», но это, как правило, бывает хорошо лишь в плане проведения досуга и развлечения публики. Так неужели же подобного рода подготовка не требуется для руководителей высшего звена? Так неужели же занятие столь ответственного поста вверять воле случая? Ясно, что нет. Ясно, что должен быть тщательнейший отбор по линии совмещения мощного интеллекта и развитости морально-волевых качеств. Здесь все должно сойтись: и природный ум со смекалкой, и необходимая образованность с эрудицией, и высокая нравственность, и сознательно-волевое начало. Человек должен не только быть в состоянии принимать верные решения и уметь добиваться

их исполнения, но и быть нравственно готовым нести за них всю полноту ответственности. А такое, догадаться несложно, встречается крайне редко. И еще следует заметить: не случайно сколь-нибудь системная теоретизация демократических основ государственности началась с работы Дж. Локка, «отца» европейского либерализма, – «Два трактата об управлении государством». Действительно, только полагая, что люди от природы равны, что человеческая душа в момент рождения есть «*tabula rasa*», можно без особых противоречий обосновывать предпочтительность демократии.

Второе: демократия – в чем были солидарны практически все философы – может быть только внутри особой императивной матрицы, в особом культурном фоне и социальном контексте. Человек демократии – это особый психологический и нравственный тип, без которого она существовать не может, но который, на взгляд мыслителей прошлого, весьма и весьма несимпатичен.

И третье: то, что демократия превыше всего ценит, то, что является для нее идиологом и кумиром, то, что она упрямо пестует в своих реципиентах, то, следствием чего как раз и является разгул тех самых качеств, ее в конце концов и погубит. Это – и тут тоже догадаться несложно – свобода. Все множащаяся и расширяющаяся свобода манит, пьянит, дурманит, требует все больших доз, но затем, когда она превращается в безмерную, во вседозволенность, в анархию, наступает естественное отрезвление и «тяжкое похмелье». Люди начинают уставать и тяготиться этой самой свободой, люди в своей массе вдруг начинают тосковать по порядку, порядочности и элементарным правилам приличия. И тот, кто пообещает им прекратить эту «вакханалию», кто пообещает разогнать эти «пиры Валтасара», тот, кому они поверят, уже, в свою очередь, станет их новоявленным идиологом и кумиром. А это, как вы сами понимаете, делается через кровь, и чаще всего – через большую. По солидарному мнению античных мыслителей, тираны не от самоопыления зарождаются и не с Луны к нам падают, а появляются как ставленники утомленного хаосом и уставшего от свободы народа. Вот такая, знаете ли, происходит эндогенная санация через обильное кровопускание.

Следует заметить, что строгая взаимная неприязнь мудрости и демократии началась, пожалуй, с Сократа – того самого человека,

которого небезызвестный дельфийский оракул признал мудрейшим из всех греков: именно в V веке до н. э. Древняя Эллада имела удовольствие впервые воочию познакомиться с демократией, вкусить, так сказать, ее прелести в полной мере. Среди первой волны «вкусивших» оказался и мудрец Сократ. Своей антипатии к народовластию никогда не скрывал, ходил с группой учеников по Афинам, вел публичные просветительские и нравоучительные беседы, так сказать, сеял разумное, доброе, вечное. Наивно при этом полагал, что человек ведет себя дурно исключительно по неведению: стоит ему только объяснить, что так поступать не надо, нехорошо, он и не будет. В том, кстати говоря, и видел свою миссию. Догулялся – привлекли к суду. И что интересно: монархии и аристократии терпели свободумыслие, а демократия не стала терпеть. Она раскрылась и отметилась прецедентом в истории человечества – казнила философа задолго до всяких там инквизиций. А мудрец Сократ как стойко жил, как стойко стоял на своем, так и испил свою чашу до дна.

Что касается сути, то политико-правовые взгляды Сократа представляют собой неотъемлемую часть всей его моральной философии, в рамках которой этическое и политическое теснейшим образом переплетено. Этика в понимании Сократа политична, политика – этична. Высшей же и наиболее важной добродетелью является добродетель политическая, к которой Сократ относил искусство управления полисными делами. При помощи именно этого искусства люди делаются хорошими политиками, начальниками, домоправителями и вообще полезными для себя и для других гражданами государства.

Основной принцип сократовской моральной философии, согласно которому добродетель – это знание, в сфере политики проявляет себя в виде следующей максимы: «Править должны знающие». Данное требование резюмирует философские представления Сократа о разумных и справедливых началах государства и права и критически адресуется им ко всем формам политического устройства. Сократовский идеал «философа на троне» является неизбежным следствием в политической сфере того интеллектуального аристократизма, которым пронизана вся его философия.

Следует отметить, что сократовский подход к политико-правовой проблематике прочно опирался на успехи предшествую-

щего развития греческой мысли. А кто как не «венценосные» семь древнегреческих мудрецов могут быть сиятельным символом разума Древней Эллады?! Так вот все они – и Фалес, и Биант, и Питтак, и Солон, и Хилон, и Клеобул, и Мисон – отдавали безусловный приоритет и предпочтение монархической и аристократической формам правления. У иногда к ним причисляемого Периандра все те же мысли. Особняком стоящий по многим вопросам Пифагор в области политики также придерживался аристократических взглядов и отстаивал право лучших (по нравственно-интеллектуальным качествам) людей на правление. К Пифагору же восходит мысль об устройстве государственной жизни на началах философской идеи.

Ясно выраженную аристократическую линию мы находим и у Гераклита. Политико-правовые воззрения тесно связаны с его общефилософскими положениями. Хотя мышление, по Гераклиту, обще для всех, однако большинство людей не понимают того, с чем встречаются, да и научившись, не понимают, хотя им самим и кажется, что будто бы понимают. Поэтому для подавляющего большинства людей скрыт смысл того, чем они занимаются, ибо они не ведают Логоса (всеобщего закона, всем управляющего), которому необходимо следовать. Следовать же Логосу означает не только истинно мыслить, но и верно действовать. А это удел и прерогатива лучших, то бишь мудрых. Критикуя же демократию, где как раз и нет места лучшим, он говорил: «Для меня один – десять тысяч, если он – наилучший». Так что, как видим, сократовская антипатия к демократии возникла отнюдь не случайно и отнюдь не на пустом месте.

Дело Сократа по искренней нелюбви к демократии, правда, в несколько иной форме, продолжил его младший современник – комедиограф, «отец античной комедии» Аристофан. Из сорока четырех его комедий сохранились одиннадцать. Все они, несомненно, принадлежат к лучшим произведениям античной сцены. Но чтобы понять их, нужно быть близко знакомым с жизнью и событиями того времени. Только такой читатель может по достоинству оценить остроумные намеки, тонкий сарказм, «аттическую соль», мастерство и глубину замысла, добывшие Аристофану великую славу художника слова. Сейчас остроты Аристофана могут показаться нам слишком грубыми и неблагопристойными, его выражения –

излишне обнаженными и язвительными, чтобы современный эстет мог находить в них художественное наслаждение. Правда, эта грубость принадлежала не столько лично Аристофану, сколько всей тогдашней эпохе, привыкшей называть вещи их настоящими именами, ничем не сковываясь и ничего не стесняясь. Чего нам, кстати, сегодня не хватает: стыдливо лицемерим и довольствуемся так называемой политкорректностью.

По своим политическим и нравственным убеждениям, которые также никогда не скрывал, Аристофан был закоренелым консерватором, заядлым приверженцем старины, суровым защитником старых обычаев, науки и искусства. Он никогда не заискивал и не щадил афинский демос, смело бросал ему обвинения в малодушии, легкомыслии, падкости до льстивых речей, глупой доверчивости, заставляющей его вечно питать надежды и вечно разочаровываться. В частности, в своей комедии «Всадники», поставленной на афинской сцене в 424 г. до н. э., он остро высмеивает всех афинских демагогов в лице Клеона, который, по Аристофану, опутал своими обещаниями и лестью весь афинский демос. В стиле живой сатиры осмеиваются нечистоплотные методы и уловки демагогов, которые, по мнению Аристофана, предательски разлагают, и не могут не разлагать, народ.

Но, как известно, наиболее полную, всесторонне продуманную и логически безупречно выстроенную версию сократовской идеи «философа на троне» мы находим у самого верного и преданного из его учеников – великого Платона, в его теории «идеального государства». Согласно учению Платона, в совершенном государстве функцию управления должна брать на себя исключительно «каста» мудрецов-философов. Мало того, вся подготовка будущего государственного деятеля должна строиться и быть направлена на воспитание у учеников осмысленного представления нужд общественного блага и соответственно общественной справедливости. Платону было ясно, что в своих действиях, в принимаемых решениях мудрый правитель должен руководствоваться не корпоративными, не частными, ни тем более корыстными личными интересами, а именно отчетливым пониманием перспектив общего блага и справедливости. Вроде бы прописные истины, но проблема в том,

как этого достичь. И Платон в отличие от многих дает подробный рецепт.

Как было отмечено, в идеальном государстве правители должны править совершенно, то есть максимально разумно и справедливо, а для осуществления этого сами должны быть нравственно совершенными, в свою очередь, чтобы достичь этого, требуются два непреложных фактора. Первый – надлежащее образование и воспитание, а второй – такой социоэкономический статус правителя, чтобы ничто, абсолютно ничто не могло сковывать, предопределять, склонять, уводить его в принимаемых решениях в сторону от общественного блага – ни семья, ни родственные связи, никакие иные узы, ни частная собственность, ни личный капитал. По Платону, таковых мудрецов-философов должно быть 37, а править они должны двадцать лет – по возрасту от 50 до 70. Вопрос, однако, в том, кем заменять выбывающих по причине естественной ротации экс-правителей. И вот тут самое любопытное.

Дело в том, что сословию стражей-воинов, воспитанных в должной дисциплине и должном боевом мастерстве, хоть семей и частной собственности заводить, как и у правителей, не положено, но, в отличие от последних, в гетеросексуальные связи (в особенности со своими коллегами – воинами-женщинами) вступать отнюдь не возбранено. Платоновский «коммунизм» высших двух сословий предполагал для военных общность жилища, жен и имущества, чтобы никому и в голову не могло прийти, вытянув указательный палец, произнести: «Это мое!» Дети, рожденные в результате общности жен и мужей, не только никогда не смогли бы установить свое родство по мужской, но, как ни странно, и по женской линии, ибо у рожениц младенцев отбирают к общественным кормилицам и далее воспитывают в коммунальных детских учреждениях.

Именно среди таких вот рожденных от воинов мальчишей-малышей, пока те не успели достичь 5-летнего возраста, ведут свою архиважную государеву селекционную работу опытные древнегреческие специалисты-психологи. Их задача – вовремя выявить, отыскать, распознать, не оставить незамеченным в толпе играющей ребятни от природы одаренного, способного, талантливого мальчика, говоря современным языком, с не по возрасту высоким IQ,

а говоря языком Платона – с явным преобладанием разумной части в этой еще совсем неокрепшей детской душе. Далее таковых заносят в особый список, отбирают, и начинается с их 5-летия долгий, многоступенчатый, 45-летний срок всестороннего комплексного обучения. После трех десятков лет овладения теорией, нравственного воспитания и совершенствования претендент направляется на службу для приобретения опыта практического управления государством: в течение 15 лет его испытывают на воинском и гражданском поприще. Тех, кто не выдержал «терний» практического управления, переводят в жрецы. Те же, кто смог пройти сие многоступенчатое «сито», остался в живых, отличился в государственных делах, по достижении 50-летия и составляют блестящий, бесподобный, сиятельныйший «ареопаг 37» – гордость, ум, честь и совесть нации.

Платон, кстати, с позиции своего «совершенного государства», так сказать, по нисходящей произвел классификацию всех государственных форм на две группы: приемлемые и неприемлемые. Из существовавших в то время форм правления наиболее близка к его «идеальному государству», по его мнению, аристократическая республика. К приемлемым формам он относил и монархию. Из состава неприемлемых государств он все же с определенной симпатией относился к тимократии. Это власть военных. Он еще частенько называл ее властью честолюбцев. В Древней Греции этому типу наиболее соответствовала Спарта. Значительно ниже тимократии Платон ставил олигархию. Это уже власть не военных, а богатых, то бишь купцов и ростовщиков, то есть власть, основанная не на срединной, аффективной (движимой благородными страстями), а на низшей, вождеющей, части души. По Платону, как известно, у любого человека представлены все три части души (разумная, аффективная и вождеющая), вопрос, однако, в том, в каких пропорциях. Обостренное чувство чести, что наблюдается у военных, конечно же, хуже разума, но гораздо лучше, нежели обостренное чувство алчности. Так что Платон тут весьма логичен. Но даже гораздо хуже олигархии, по его убеждению, демократия и тирания.

Вот и энциклопедист Аристотель, практически во всем не соглашаясь с Платоном, настаивая на том, что для него истина дороже, в отношении демократии на редкость миролюбив со своим учи-

телем. Его трактат «Политика» также без преувеличения кладет политическую мудрость. Там он подробно, аргументированно, на многочисленных примерах доказывает, что политические реалии предоставляют три хорошие и три плохие формы государственного правления. Причем плохие являются собой деформации хороших. Хорошими он признает монархию, аристократию и политику (власть обеспеченных военных, способных за свой счет приобрести тяжелое вооружение), плохими – тиранию (как деформацию монархии), олигархию (как деформацию аристократии) и демократию (как деформацию политики).

Но пора, однако, возвращаться в тревожную действительность. Смутные времена переживаем, лихолетье, и вот как о них отзываться в своей книге И. А. Гобозов: «Переживает острейший кризис и политическая сфера общественной жизни. Прежде всего следует подчеркнуть, что демократические формы правления, которые вот уже несколько веков играли доминирующую роль в политической жизни буржуазного общества и которые, несомненно, способствовали раскрепощению человека, проявлению его инициативы и воли, укрепляли формы и принципы правовых взаимоотношений людей, личности и общества, личности и государства, сегодня уже не отвечают требованиям времени. Конечно, они никогда не считались идеальными, но в современную эпоху настолько деформированы и настолько уже не отвечают новым реалиям, что люди к ним относятся с недоверием. Так, выборы в различные органы государства превратились фактически в фарс, в шоу. Используемые средствами массовой информации, особенно телевидением, избирательные технологии практически лишают граждан возможности выбирать среди кандидатов на высшие государственные должности. Они не выбирают, а голосуют, причем голосуют в виде “атомизированных индивидов” и уже в силу этого имеют довольно плохое представление о последствиях своего голосования. Политики, как правило, преследуют свои личные, корыстные интересы, а не интересы государства и общества. Деньги, обман, коррупция, отчуждение граждан от власти – вот довольно не полный перечень негативных черт современной демократии»².

² Гобозов, И. А. Указ. соч. – С. 151.

И чуть далее: «Но если в античную эпоху демократия имела определенные изъяны, то в наше, постмодернистское, время она просто-напросто выродилась и превратилась в охлократию. Народ превратился в электорат, а электорат – в толпу. Она использует не метод убеждения, а метод внушения. Обращается не к разуму человека, а к его низменным инстинктам, к его чувствам. С этой целью политтехнологи разрабатывают различные сценарии избирательной кампании: привлечение артистов, особенно эстрадных певцов, создание “народного” имиджа кандидата во властные структуры, либеральную или патриотическую демагогию в зависимости от аудитории. Избиратели, превращенные в иррациональную толпу, обращают внимание не на программы и не на реальные дела кандидатов, а на их телегеничность, улыбку, походку и т. п. Те кандидаты, которые преуспевают в этом шоу, попадают в органы власти. К слову сказать, ни один великий политик прошлого не попал бы во власть, потому что он не смог бы конкурировать с современными краснобаями»³.

Рассуждая о демократии, практически все понимают, что она не только не цель, а всего лишь средство (и не панацея!) к благосостоянию, и если она к нему не ведет, то бишь не выполняет свою надлежащую функцию, то надо искать другое, более надежное и эффективное. Причем она не универсальна не только содержательно, не только структурно-функционально, но географически и этнографически. Ее притязания на некий «вселенский», «общечеловеческий» статус беспочвенны, завышены и самонадеянны. Мало того, что она в своем нынешнем виде ни в коей мере не обеспечивает подлинного народовластия, поскольку трудового народа не только во власти не видно, но даже и решения в государстве принимаются далеко не в его интересах; а кроме того, нет никакого доверия к честности проведения и достоверности результатов ее основы основ – самих выборов. К этому мы, к сожалению, уже весьма приученные и, мягко говоря, не всегда благодарные зрители и участники. Президентские выборы 1996 г. в нашей стране – этому незабываемое свидетельство. И я не удивлюсь, если вскоре дискредитация, разочарование и недоверие не только к функционированию политических институтов либеральной демократии, но и к са-

³ Гобозов, И. А. Указ. соч. – С. 153–154.

мому ее базису – всеобщим выборам – достигнет такой глубины и таких масштабов, что в своем большинстве сознательные, не ко всему безразличные граждане начнут все настойчивее требовать чего-то принципиально иного. Будут смотреть по сторонам, а в душе будет тлеть угрюмый огонь. Не дошло бы даже до неистовства.

Вы меня спросите, как это может быть, что может стать той «последней каплей», переполнившей «критическую массу» терпения? И я вам отвечу: да все просто. Этому мы тоже уже не очень-то признательные свидетели. Я имею в виду усиленно внедряемую систему электронного голосования и соответственно электронного подсчета его итогов. Нам, естественно, вещают о ее эффективности и прогрессивности, заверяют в ее полной надежности, укрытости и многоуровневой защите от всяческого стороннего проникновения и взлома, но «обжегшись на молоке, на воду дуют». Ну, во-первых, лихо и умело совершенствуются и «хакерские» средства и методы, так что 100%-ной гарантии никто и никогда вам не даст. Во-вторых, кто вам сказал, что большее беспокойство вызывают некие сторонние, так сказать «инородные», влияния? Нет, как раз совсем наоборот: от своих жди подвоха. Как метко изрек римский историк Ювенал: «А кто будет охранять охранников?», то бишь, а кто будет надзирать над надзирателями? Раньше полагались на так называемый неплохо себя зарекомендовавший «административный» ресурс, теперь же к нему присовокупят новомодный и безотказный «электронный».

Скажите честно: вы в самом деле доверяете всем этим ушатам на нас хлынувшим «интерактивным голосованиям», поднявшимся на пене разнокалиберных игровых и «ток»-шоу? Не кажется ли вам, что результаты в них уже кем-то predeterminedены и что вся эта суэта со звонками и SMS-сообщениями – лишь дань и неотъемлемый атрибут современного шоу? Закулисный «драматург» потрудился и уже давным-давно составил подробный сценарий по всем перипетиям туров, в точности указав, кто из участников выбывает, а кто проходит дальше, учтя, между прочим, и то, чтобы неожиданных поворотов, «экспромтов», всплесков эмоций и незлого драматизма было побольше. Каноны жанра, так сказать. Можно сколько угодно изумляться тому, что ни вы, ни ваши родственники,

ни ваши знакомые, ни знакомые ваших знакомых не голосовали, скажем, за какого-то кандидата, а он прошел, а ваш фаворит – нет, но ни проверить, ни тем более что-то доказать вы никогда не сможете. Очень сдается, что нечто схожее вскорости произойдет и с выборами: все мы скопом окончательно превратимся в хронических политических «статистов», имитирующих кипучую деятельность, а некие «закулисные сценаристы», «серые кардиналы» будут не спеша раскладывать свой «пасьянс» и вершить наши судьбы. Какое-то время эта хитроумная уловка просуществует, продержится, но рано или поздно надоест, станет невтерпеж, и гроздьями полетят чьи-то головы. Все опять вдруг вспомнят пушкинские провидческие слова про русский бунт – бессмысленный и ужасный.

Древние греки изображали богиню Афину, покровительницу мудрости, с совой, сидящей на плече. И это весьма символично. Сова, как известно, хорошо видит в сумраке, тьме ночи. Этим подчеркивалось, что подлинная мудрость, способная отвечать на вечные, самые острые и самые сложные вопросы, не возникающие при благом течении жизни, всего важнее, когда это течение нарушается и все находится в смятении, крутой ломке, а прежняя ясность сменяется духовным сумраком. В нашем же случае получается, что мудрость не просто туман, но и демократический дурман в состоянии рассеивать. И в этом лучик надежды. Невозможно объяснить кошке, что фиалка пахнет лучше, чем валериана, надо перестать быть кошкой, чтобы понять это. Тем более, если верить Платону, надо усиленно готовиться к тирании.